

Память

Рос. Вестн. - 1994 - 15 янв. с. 5
«Беззаконная
комета...»

Майя КРЫЛОВА

Уже год, как нет Рудольфа Нуриева...

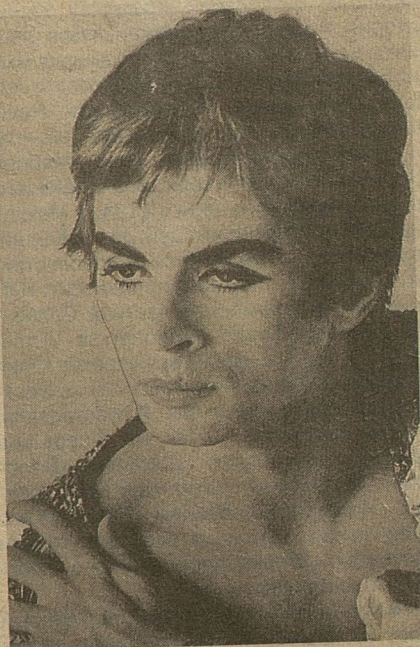
Конец целой эпохи, в которой «Рудольф Великолепный» задавал эстетический тон. И не только в театре, хотя балетный мир, зрители прозвали его «богом танца», отдавая дань не одному мастерству, но и человеческой сути. Стать равным богам Нуриев всегда стремился: для него это означало всегда делать то, что хочется, и на сцене и в жизни. И делать лучше всех.

Стихийный язычник, брызжащий избытком жизненных сил, великий стилист, ниспровергатель правил... Впрочем, одни правила Нуриев все же признавал: идеальность классических па, высший пилотаж балета. Оттого так красив был его танец, что он не думал о виртуозности, она давалась ему шутя.

После громкой политической сенсации - остался на Западе! - Нуриев очень скоро заставил забыть о политике и вспомнить об искусстве. И легко вписался в тамошнюю жизнь: по складу Нуриев - «селф-мейд мен», человек, сделавший себя сам, покоритель обстоятельств. Он жадно впитывал возможности, упущенные за годы принудительного репертуара в Кировском театре, доказывая миру - ему подвластно все. Работа - по шесть часов в день у станка, по восемь спектаклей в неделю. Запад дал ему возможность приложить талант ко всему, но и он дал Западу фантастическую маэстрию русской школы и своей выучки.

Нуриев победно несся по планете в вихре своих фантастических прыжков, в неистовстве пируэтов. Утонченный романтизм старинных балетов и магически-сексуальное танго из фильма «Валентино», крутой стэп и авангардистские изломы. И вдруг роль Башмачкина в спектакле по поголевской «Шинели». Критика сравнивала его с Чаплиным.

Сын советского офицера, рожденный в поезде во время бесчисленных переездов семьи; юный вундеркинд Ленинградского училища, о котором восторженно шептались знатоки; «буйная головушка» труппы, доводившая до отчаяния кагэбэшников, надзирающих за артистами на зарубежных гастролях. Ночные кутежи и адский труд, невыносимый характер и гениальное тело. Всег-

да в толпе, в центре внимания - и всегда один. И загадочен. Так он ощущал себя, так воспринимался публикой. Что-то такое бросалось в глаза при первом взгляде на это почти скифское лицо с раскосыми глазами - одинокий волк, гений байронического стиля, с сардонической, слегка утомленной улыбкой.

Опера и балет на Западе сейчас в моде. Популярность Паваротти сравнивают с битломанией 60-х годов, Барышникову любой американец зовет «Мишей», а записи классики расходятся лучше поп-хитов. Нуриев был в числе первых из тех художников, что сумели приблизить элитарное искусство к миллионам. Он показал истинное значение слова «традиция» - от итальянского «traditio» - передача, предание. Условный пластический жест Нуриев сделал интимным, обращенным к каждому. И его танцем восхищались очень разные люди. Его любили Великая княгиня Леониды Георгиевны Романова и американские домохозяйки из глубинки.

Его называл кумиром Фредди Меркьюри. Они были дружны в жизни и схожи по судьбе - великие в своем деле, идолы толпы, не признававшие границ своей свободы, оба «кормили публику с ладони, как воробьев». Эгоцентрики, радующие весь мир, победители жизни, сложенные ею. Когда горюшь ярко - сгораешь быстро...